

Схемы по осваиванию субсидий в агростраховании в настоящий момент занимают 15% рынка, юристы, так же, как и в ОСАГО, провоцируют увеличение выплат, а национальный госперестраховщик может получить агрорисков на 30 млрд руб. Об основных проблемах и тенденциях в сельхозстраховании в интервью «Ъ» рассказал президент Национального союза агростраховщиков (НСА) Корней Биждов.

– Как происходит процесс присоединения к НСА активов «Агропромстраха»? В каком состоянии находятся ваши коллеги из этого объединения?

– В соответствии с последними изменениями законодательства мы должны принять фонд компенсационных выплат, который сформирован другим профобъединением. Напомню, это 5% от полученной премии по сельхозстрахованию с господдержкой. По нашим оценкам, фонд второго объединения должен быть сопоставим с нашим, в котором сейчас около 900 млн руб. Охват рынка компаниями НСА и участниками «Агропромстраха» всегда был приблизительно одинаков: в нашем случае он составлял примерно 60%. По официальным данным ЦБ РФ, компании второго союза за три с половиной года получили не менее 5,7 млрд руб. средств господдержки. Соответственно, расчетная величина его фонда компвыплат составляет порядка 600–800 млн руб.

Согласно закону, получить средства второго фонда мы должны до 1 марта 2016 года. В настоящий момент мы настаиваем на том, чтобы независимая компания провела аудит состояния этих средств. По имеющимся у нас сведениям, в компенсационном фонде второго союза осталось не более пары сотен миллионов рублей. Напомню, по закону фонд можно было «распаковать» только с 1 января 2014 года и его средства могут быть потрачены только в случае отзыва лицензии у члена ассоциации для выплат долгов по возмещению аграриям застрахованных убытков.

– Часть участников «Агропромстраха» не справилась с санкциями ЦБ – с 2012 года они были применены к 20 компаниям данного союза, покинувшем рынок, поэтому логично, что средства фонда потрачены.

– Верно. Но по нашей информации, данный фонд тратился вторым объединением и на кредитование своих страховщиков, что абсолютно недопустимо по закону. Кроме того, у

нас есть сведения, что его средства размещались в банках, которые на данный момент лишены лицензии. Поэтому, по нашему ощущению ситуации, мы можем получить не более 30% от расчетной суммы. Для нас было принципиальным не смешивать фонд НСА с их фондом, что сегодня специально закреплено в законе. В течение трех лет они будут существовать у нас раздельно, для того чтобы все иски и претензии по долгам участников «Агропромстраха» не касались средств фонда НСА. Могу сказать, что из компаний второго союза, реально работающих на рынке, осталось три-четыре страховщика, все они уже подали нам заявления о вступлении в НСА.

– Этот уход с рынка проблемных агростраховщиков подорвал выполнение плана по охвату страхованием посевных площадей?

– Совершенно верно. У нас есть плановые показатели по страхованию, которые устанавливает правительство: 12,5% посевных площадей. На сегодняшний день охвачено страхованием 8,6%. В прошлые годы этот показатель колебался в диапазоне от 16% до 18%. Но уход неработающих коллег не единственная причина его снижения. Дело в том, что Минсельхоз на каждый год устанавливает ставки субсидирования, которые каждый раз должны быть определены к концу предыдущего года, то есть до начала сезона страхования. А в этом году рынок получил их только 20 июня, когда закончился сев яровых. Поэтому яровые обошлись практически без страхования. Ни аграрии, ни страховщики не могли страховать их, потому что не знали, какими будут ставки государства. А без знания ставок нельзя получить субсидии. Такой вот замкнутый круг. Кроме того, давайте не забывать, что 2015 год был проблемным с точки зрения получения аграриями кредитов на посевные работы. У сельхозтоваропроизводителя часто физически нет средств даже на страховой взнос в размере 50%, который он должен оплатить. Этой ситуацией воспользовались агроюристы и разного рода мошенники, которые оформляли ему займы, потом получали субсидии и фабриковали выплаты.

– А как сказывается на охвате страхованием наличие порога гибели урожая? Если аграрий получает убытки менее 25% урожая, выплату он не получит.

– Изначально законодатель ввел этот порог на уровне 30%, чтобы сделать страхование недорогим, доступным продуктом для агрария. Порог гибели 30% это международная практика. Во всем мире считается: аграрий – банкрот, если потерял 30% урожая, поэтому от такого ущерба нужна страховка. У нас же распространено мнение, что это скорее барьер, который удерживает агрария от желания страховать риски. Сегодня мы не возражаем против отмены данного порога для стимулирования страхователя. К

слову, в будущем году у аграриев появится еще один стимул: в бюджете РФ на 2016 год зафиксировано, что средства в размере 12 млрд руб. могут пойти в качестве помощи только аграриям, пострадавшим от ЧС, которые застрахованы.

Еще одна большая проблема, которая тормозит развитие сельхозстрахования с господдержкой, – это низкие ставки субсидирования. В идеале ставки, по которым рассчитывается господдержка, должны совпадать с расчетными тарифами страховщика. Мы же сталкиваемся с нехваткой ставок в 20–40%, это тема наших постоянных дискуссий с Минсельхозом. Кроме того, за три года размер субсидий на сельхозстрахование практически не менялся: оставался на уровне 5–6 млрд руб. При заметном росте стоимости зерна за этот период недостаток бюджетирования очевиден.

– Какова в настоящий момент доля схем в агростраховании?

– Если под схемами понимать не реальное страхование, а освоение субсидий под его предлогом, то речь может идти о 30% рынка в целом. В некоторых регионах эта доля достигает 50% и даже больше. Такая ситуация наблюдалась до мероприятий ЦБ по выявлению пустых компаний, не имеющих активов. Сейчас, после них, осталось порядка 15% схем. Кроме того, надо понимать, что существуют абсолютно нормальные рисковые договоры, юридически так оформленные, чтобы недобросовестный аграрий не злоупотреблял тем, что страховщик, например, не может быстро выехать на место, где произошло чрезвычайное событие.

К сожалению, существует ряд регионов, где мошенничество аграриев носит систематический и почти массовый характер, например Алтай или Волгоградская область. Именно в этих регионах мы получаем большинство исков от агроюристов, которые фабрикуют выплатные дела. Они, как и автоюристы, уговаривают клиента страховщика переуступить им права требования по выплате. Пока, к счастью, это не такая масштабная проблема, как в ОСАГО, но очень серьезная. В количестве обращений за выплатами доля спровоцированных агроюристами случаев достигает 15–20%.

– Насколько часто у страховщиков происходят споры с аграриями по выплатам? И как космический мониторинг должен снять эту проблему?

– В агростраховании посредством судебных исков проблема выплат решается примерно в 2% случаев. Частично снять противоречия между сельхозтоваропроизводителем и страховщиком может страховая оценка с помощью космического мониторинга. Это прежде всего агроклиматический мониторинг, который может подтвердить погодные условия на конкретную дату. Это важно при спорах, было событие страховым или нет. Мы заключили договор с фирмой, которая нам услуги такого мониторинга будет поставлять. У НСА к этим данным будет доступ с точностью до конкретного хозяйства и конкретного поля.

– НСА – единственный из союзов на рынке, который заявил о своей поддержке создания государственного перестраховщика и готовности передать ему риски. О каких рисках идет речь?

– Агрориски никак не связаны с санкциями (национальный перестраховщик (НПК) создается прежде всего как емкость для клиентов страховщиков из санкционного списка. – «Ъ»), но появление НПК отвечает нашим интересам. Дело в том, что размещение наших рисков за рубежом всегда было сопряжено с серьезными сложностями – например, некоторые виды рисков, связанных с ЧС в сельском хозяйстве, не понятны западным партнерам. Между тем если в конкретном регионе плохо работают органы, которые отвечают за ветеринарный надзор, то распространение ЧС по целой отрасли – свиноводству, например, гарантировано. Риски наводнения в конкретных регионах, риски засухи, заморозков, африканской чумы свиней – это все можно передать в перестрахование НПК. Мировая практика показывает, что во многих странах, где есть НПК, она является агроперестраховочной компанией: в Турции, Испании, других странах. По самой общей предварительной оценке экспертов, при условии квотного перестрахования всех сельскохозяйственных рисков (и растениеводства, и животноводства) в размере 10% в государственной перестраховочной компании может быть размещено до 30 млрд руб. ответственности.

– Сельхозтоваропроизводители существенно выиграли от продуктовых контрсанкций России?

– Безусловно.

– Страховщики отреагировали на растущее благосостояние потенциальных клиентов – компании охотнее стали заходить в сегмент агрострахования?

– Я бы сказал, что страховые компании пока проявляют настороженное отношение, которое нельзя назвать активным. Но ни одна отрасль не рванула так вперед в течение последних пяти лет, как аграрный сектор – на текущий момент, к примеру, Россия вошла в тройку мировых производителей продовольственной пшеницы. И это должно сопровождаться страховым обслуживанием. В первую очередь компаниям мешают развернуться на данном рынке опасения относительно коррумпированности представителей многих региональных органов управления АПК. Но мировая практика показывает, что локомотивом отрасли становится именно сельхозстрахование с господдержкой, и у рынка в недалекой перспективе хорошие шансы роста. Я считаю, что это один из самых перспективных видов страхования в России. По нашим прогнозам по итогам в целом реальное агрострахование прибавит по сборам 15–20% в 2016 году.

Источник: [Коммерсантъ](#), № 217, 25.11.15

Автор: Гришина Т.